

БОРИС НОРМАН
(Минск)

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В НЕПРЕДИКАТНОЙ ПОЗИЦИИ

В статье исследуются особенности синтаксического поведения слов с экспрессивно-оценочной семантикой (типа русских *дурак*, *умница*, *зануда*, *петух*). Типичной для них является позиция предиката в высказывании. Употребление такой лексики в непредикатной позиции требует специальных условий: а) скрытой предикации, б) цитации, в) нейтрализации оценочного компонента, г) сопровождения местоименным определением-идентификатором.

Ключевые слова: Экспрессивно-оценочная лексика. Лексическая семантика. Оценка. Функция предиката. Непредикатная позиция. Цитатность. Анафорическая отсылка.

В статье речь пойдет об особенностях синтаксического поведения некоторой группы слов, а именно существительных со значением лица, включающим в себя оценочный компонент. При этом иллюстративным материалом для нас будут служить главным образом факты русского языка, однако выводы, как нам кажется, могут иметь универсальный для всех славянских языков характер.

Понятно, что оценка, которую говорящий дает человеку, может быть как положительной (*умница*, *красавица*, *молодец*, *прелесть...*), так и отрицательной (*дурак*, *подлец*, *негодяй*, *жмот*, *зануда*, *свинья...*). И в том, и в другом случае слово приобретает дополнительную экспрессию. Но языковедам хорошо известно, что эта аксиологическая шкала заметно сдвинута в негативную сторону: экспрессивно-оценочные названия со знаком «минус» заведомо более многочисленны и разнообразны, чем их «положительные» корреляты.

Свойственный языкознанию XX века «синтаксический уклон» проявился и в русской и в целом славянской грамматике: труды А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Т. П. Ломтева, З. Клеменевича, Ф. Данеша, Р. Мразека, И. Лекова и других ученых заложили основы системного описания единиц и отношений синтаксического уровня.

Одновременно с этим велись активные разработки в области лексической семантики: исследовалась внутренняя структура значения, системные семантические отношения между словами, обосновывалось выделение лексико-семантических классов слов и т.д. (работы В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелева, Л. М. Васильева, Л. А. Новикова, Ю. Н. Караулова, В. Дорошевского, В. Бланара, М. Ивич и др.). Достигнутые на этих путях результаты требовали соотнесения и взаимного согласования: лексико-семантические квалификации и классификации нужно было «увязать» с моделями предложений и словосочетаний, с типами синтаксической связи.

Одним из первых обратил на это внимание В. В. Виноградов. В своей штудии о типах лексического значения слова, впервые опубликованной в 1953 году (Виноградов 1977), он показал, что вторичное (переносное) значение у таких лексем, как *петух* или *жилец*, возникает только при условии, что слово занимает в предложении позицию предиката, см. (1–2):

- (1) *Вот так петух!*
- (2) *Не жилец она на белом свете.*

В обобщенном виде тезис В. В. Виноградова выглядел так: «Синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику» (Виноградов 1977, 184). Автор называл подобное значение функционально-синтаксическим, синтаксически обусловленным или, более конкретно, предикативно-характеризующим. «Предикативно-характеризующее значение у имени существительного может реализоваться в сказуемом или в составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении» (Там же). В той же статье признавалось, что есть слова, для которых такое значение является основным, первичным (например, существительные *загляденье* или *объяденье*). Это значит, что нельзя сказать по-русски:

- (3) **Петух явился в новом костюме* (о задиристом человеке)

или

- (4) **Попробуйте объяденье: сама готовила!*

Правда, существительное с «предикативно-характеризующим значением» может использоваться и за пределами данной функции, для обычного называния, но только при условии, что его сопровождает определяющее местоимение *этот, такой, подобный, один* и т.п. — ср. (5)–(6):

- (5) *Этот петух явился в новом костюме;*
 (6) *Подобного объеденья вы еще не пробовали!*

Принципиальное значение для понимания внутренней связи между ограничениями в лексической семантике слова и его синтаксическими функциями имела статья Анны Вежбицкой 1970 года (Вежбицкая 1982), в которой оценочные наименования рассматривались как инородные элементы по отношению к основной структуре высказывания. В качестве таких «скрытых цитат», или отсылок к иным высказываниям, выступают не только метафоры вроде *петух* или *гусь*, но и номинации типа *дурак*, *подлец*, *негодяй*, *балбес*, *жмот* и т.п., а также именные сочетания вроде *хороший лыжник*, *отличный мастер*, *подлинный художник* и т.п. (и др.). Именно поэтому мы не можем сказать по-русски (с повествовательной интонацией):

- (7) **Отличный мастер живет в соседней квартире.*

Подобные выражения, по словам исследовательницы, наделены функцией «прагматических операторов»: «существенная часть содержания этих предикатов затрагивает не обозначаемое лицо, а отношение между этим лицом и говорящим, а точнее говоря, отношение говорящего к тому лицу, о котором идет речь» (Там же, 244). Если же оценочное наименование в синтаксической структуре предложения формально выполняет роль субъекта, то по сути за ним скрывается второй предикат. Примером могло бы послужить восклицание с эмфатически выделенным *отличный мастер*:

- (8) *От-лич-ный мастер живет в соседней квартире!*

(т.е. 'тот, кто живет в соседней квартире, оказывается — отличный мастер').

Дальнейшие исследования в данном направлении выявили ряд особенностей синтаксического употребления слов с оценочной семантикой. Сегодня уже никто не оспаривает, что «синтаксически несвободными могут быть не только переносные, но и прямые значения слов оценочного характера» (Ермакова 1976, 112). Было показано, что «чем более субъективный — оценочный или образный — характер имеет номинация, тем более нуждается она в опоре и поддержке со стороны анафорического местоимения» (Серебренников & Уфимцева 1977, 312). Это значит, что точно так же, как в случае с *петух* или *загляденье*, нельзя по-русски сказать:

- (9) **Дурак проиграл всё в карты*

или

(10) **На конференции выступал зануда,*

но вполне возможно:

(11) *Этот дурак проиграл всё в карты*

или

(12) *На конференции выступал один зануда.*

В ряде публикаций (Вежбицкая 1982; Ермакова 1976; Крысин 1980, 127–128; Норман 1996 и др.) выяснялись и другие условия, необходимых для реализации оценочных значений в непредикатной позиции. Как показала О. Е. Фролова, оценочные номинации (она называет их предикатными) могут выступать как заглавия литературных произведений (ср.: «Идиот», «Человек в футляре», «Фаталист» и т.п.), но нормальное их синтаксическое функционирование в составе предложения затруднено указанной особенностью лексической семантики. Прочитируем: «В качестве теста на предикатность названия может служить возможность / невозможность имени или именной группы занимать позицию субъекта в изолированном предложении: *Герой нашего времени вошел в комнату; Бирюк огляделся; Фаталист получил письмо.* Чтобы подобные предложения были возможны, в качестве контекста они должны предваряться другими высказываниями, где предикатное имя присваивалось бы персонажу» (Фролова 2006, 52).

Таким образом, к синтаксическим ролям, «подходящим» для данного класса существительных и исчисленным еще В.В. Виноградовым (сказуемое, обращение, обособленное определение и приложение), добавляются еще номинативные односоставные предложения (в качестве заглавий). Сюда же с некоторыми оговорками можно отнести функцию сравнения (лежащую, как известно, в основе метафоры): *Что ты молчишь, как идиот?* и т.п.

Заметим, что определенные условия для реализации оценочной семантики составляют и сочетающиеся с существительным глаголы. Оценка обычно «сиюминутна», она привязывается к моменту речи и плохо переносится в план прошлого или будущего. Сравним какое-нибудь *Петя — молодец* с вариантами *Петя был молодец/молодцом, Петя будет молодец/молодцом, Петя становится молодец* и т.п. Есть целые подклассы глаголов, значение которых «не вяжется» с прагматической окраской.

Углубленному пониманию природы оценочной лексики способствовали исследования в области теории референции. Если верно то, что предикат в принципе нереферентен (его роль заключается в другом: приписывать признак субъекту), то тем более это

относится к оценочным номинациям. Последние в практической деятельности, в ежедневной реальности не имеют когнитивной ценности — для этого они слишком условны и субъективны (Hannappel, Melenk 1981, 217). Можно сказать, что в лексической семантике слов типа *умница*, *жмот* или *балбес* центральное место занимает именно оценка; все же остальные семы, как интегральные, вроде «мужчина», «женщина», «ребенок», так и дифференциальные, вроде «умный», «жадный» и т.п., периферийны и факультативны. Не случайно, кстати, среди этих номинаций так много существительных общего рода и эта категория слов в русском языке, судя по всему, расширяется, ср. примеры (13)—(15):

- (13) *Я и чница. ...А невесте скажи, что она **подлец**, слышишь, непременно скажи* (Н. В. Гоголь).
- (14) *Манил сатанинский гриб. Эта **стерва** вылито похож на белый или подберезовик, да только берегись, товарищ...* (Е. Попов).
- (15) ***Слон** как-то приволокла из помойки богатого супермаркета коробку сухого молока* (Л. Петрушевская).

В докладе Л.Г. Бабенко на III Международном конгрессе русистов делалась попытка «глобальной категоризации мира» на основе имеющегося лексикографического опыта (Бабенко 2007, 475). При этом, выделяя среди существительных слова идентифицирующие и слова предикующие, докладчик утверждала, что описать их с одних позиций, одними и теми же способами нельзя. Это заставляет вспомнить давно отмеченный нейролингвистами факт: при афазии экспрессивные слова и выражения сохраняются в памяти, в то время как «обычным» (нейтральным) номинациям свойственно забываться, связи между ними разрушаются. Получается, оценочная и нейтральная лексика хранятся в разных частях памяти и функционируют по-разному, — возможно, в соответствии с «наличием в языковой способности человека двух классов грамматик:

— «номиноцентрической» грамматики, которая управляется правым полушарием и которая обеспечивает построение текстов-примитивов, обладая минимумом специальных средств связности,

— «предикатоцентрической» грамматики, которая управляется левым полушарием и которая обеспечивает построение развернутых связных текстов...» (Кубрякова 1991, 234).

Таким образом, на оценочной лексике лежит своего рода клеймо предикативности. Роль сказуемого для нее является изосемической —

в терминологији Г. А. Золотовой (Золотова 1992), — а све остале траже неке додатне «лингвистичке рабе» носитеља јазака. В свези с етим стоит, на наш вглед, вернуте еше раз к случајм нарушења етој изосемији. Расамотрим следеуће приереы употреблења оееночној лексике в непредикатних позицијах (в тексте они выделены жирным шрифтом).

- (16) *Да вот беда: сойди с ума.
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадыт на цепь **дурака**
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут* (А. С. Пушкин).
- (17) *Должность секретаря справляет субъект, глухой на левое ухо и влюбленный, едва отличающий входящую от исходящей; **дубина** ничего не смыслит, и я сам всё за него делаю* (А. П. Чехов).
- (18) *Городничий (бьет себя по лбу). Как я? Нет, как я, старый дурак? ...**Сосульку, тряпку** принял за важного человека... Ну что было в этом вертопрахе похожего на реvizора? Ничего не было!* (Н. В. Гоголь).
- (19) *Женщина есть тварь хилая и ненадежная, сказал Блаженный Августин. Прав **мракобес** и **женоненавистник**, тысячу раз прав* (Б. Акунин).
- (20) — *Не расстраивайся, дорогая, — утешал Миша, — выгоним **нахалку**, другую найдем, тебе вредно волноваться, мигрень начнется* (Д. Донцова).
- (21) *Но я поверил в него и не обманулся в своих ожиданиях. Меня поняли. **Молодчина** осознал, что в моем лице ему противостоит не чужая догматика, а некая игра...* (Г. Гессе, пер. В. Курелла).
- (22) *Дверь открыла какая-то **мелкая посольская сошка**, прекрасно, разумеется, одетая, с дипломатическим лицом; и увидела **сошка** образину ужасную и труднообъяснимую. [...] **Мелкий сошка** подумал о провокациях белогвардейцев и эмигрантов, опасливо взглянул в поисках фотокорреспондентов...* (М. Веллер).

Попробуем прокомментировать приведенные иллюстрации (16)—(22), пытаясь одновременно то, что уже известно об особенностях поведения данного разряда слов.

А. В большинстве приведенных примеров нетрудно усмотреть **скрытую** предикацию, а точнее — анафорическую отсылку к предшествующей, пусть даже мысленной, «внутренне-речевой», оценке. Например, когда мы читаем у Пушкина (16): «*Посадят на цепь дурака...*» в окружении сплошных форм 2-го лица единственного числа, то понимаем, что автор имел в виду: 'посадят на цепь тебя, а ты — дурак'. Точно так же, создавая фразу «*Молодчина осознал...*» (21), говорящий (или пишущий) держит в уме пресуппозицию: 'он — молодчина' — и к этому прибавляется: 'он осознал'. Фактически перед нами сложение двух мыслительных актов. А. Вежицкая прямо называет такую процедуру конъюнкцией высказываний.

Напомним в связи с этим, что, по Л.С. Выготскому, процесс порождения текста основан на «чистой предикативности»: «Внутренняя речь... вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых» (Выготский 1982, 341). Модель «снежного кома» или «матрёшки», отражающая структуру формирования высказывания, психологически вполне правдоподобна. Поэтому в реальной речи запрет на высказывания типа приведенного ранее (9) не является столь уж строгим, особенно при препозитивном положении слова.

Если же оценочное слово оказывается в постпозиции, завершает собой предложение, то такой «предикативный субъект», по наблюдениям исследователей, «имеет тенденцию к обособлению, превращающему его в подобие назывного предложения: *Уловку выдумал хитрец — Уловку выдумал, хитрец*» (Серебренников & Уфимцева 1977, 330).

Б. Использование экспрессивно-оценочной лексемы в непредикатной позиции может подразумевать семантические перестройки, затрагивающие большую, чем отдельное высказывание, часть текста. Это — наиболее яркое проявление той речепорождающей процедуры, которую А. Вежицкая назвала цитацией. Говорящий здесь отсылает слушателя или читателя к какой-то из предыдущих фраз текста, превращая первичную предикацию во вторичную номинацию, ср. примеры:

(24) — *Живут же паразиты! Будто аристократы... А тут не знаешь, где пятерку занять, чтобы с кухаркою расплатиться.*

Проптеры жили на Английской набережной, 62. Паразитов собралось столько, что их мяса и жира вполне хватило бы на целый год для работы мыловаренной фабрики (В. Пикуль).

- (25) — *Бред какой-то!* — пробормотала она растерянно, поймав свое бледное отражение в зеркальной двери шкафа.
— *Что за дура звонила, интересно?*
Дура забыла представиться. Да и вообще вела себя довольно-таки странно (Г. Романова).
- (26) *Я* сказал: «*Я бы сыграл Гитлера, но у меня нет усов!*»
Мама сказала: «*Сынок, ты слишком красив, чтобы играть эту скотину!*» *Скотину* играл Мирослав, первый этаж, левый подъезд (Б. Чосич, пер. В. Соколова).

Конечно, цитацию здесь не следует трактовать узко, как буквальный повтор лексической единицы. Связь между двумя оценками лица в тексте может быть и семантической (синонимической, гиперо-гипонимической и т.п.). К примеру, если в одной из реплик дается негативная характеристика персонажа (*преступник*), то в следующей экспрессивная номинация (*подлец*), основываясь на анафорической отсылке, приобретает относительную свободу синтаксического поведения, ср.:

- (27) — *Остановок не делали,* — сказал он. — *Выходит, преступник в поезде...*
— *Подлец* мог выскочить у Вельяминова. Там ограничение скорости (Л. Словин).

Еще любопытнее пример (28), в котором первоначальная негативная характеристика лица как бы растворена в перифрастическом описании, но и этого оказывается достаточным для последующего непредикатного употребления экспрессивно-оценочной лексемы *стервец*:

- (28) *Уезжая из гостиницы, я попросила портье — молодого человека, поразительно сочетавшего в манерах служебную предупредительность с природным высокомерием, — вызвать нам такси [...]*
Стервец взял монету, подбросил ее на ладони, проговорил... (Д. Рубина).

Конечно, в таком сдвиге фокуса, когда рассказчик на секунду надевает речевую маску персонажа, содержится определенная ирония и стремление усложнить («остранить») повествование. Вместе с тем, переключка двух слов, внешне тождественных, но наделенных разными коммуникативными функциями, служит в диалоге своеобразной

и очень яркой скрепой (взаимодействуя с иными средствами связности и цельности текста).

В. Нередким условием для непредикативного употребления оценочного слова является также расширение функционально-синтаксического потенциала оценочной лексики. А именно: если существительное с экспрессивно-оценочным значением употребляется в тексте за пределами предикатной позиции, то оно может утрачивать и свой оценочный компонент: происходит естественная нейтрализация последнего.

Характерным примером может служить рассказ писателя-эмигранта Бориса Зайцева «Мы, военные...» с подзаголовком «Записки шляпы». В самом начале рассказа говорится, что часть из новозачисленных юнкеров попадала в категорию «шляп», с пояснением: «Слово жаргонное. Означает безнадежно «штатского» и нерасторопного человека». А затем слово *шляпа* многократно употребляется в тексте в самых разных синтаксических позициях и при этом теряет свой обидный оттенок — фактически оно терминологизуется, ср.:

- (29) *Но и у шляпы есть душа, сердце, воображение. Например, лежит этот юнкер-шляпа впервые на своей койке в роте... Шляпе не спится... Шляпа весело, но и осторожно идет к себе на Арбат, норовит большие переулками... Лишь самые отчаянные являлись к третьему звонку. Шляпы забирались раньше. Шляпа грустно появляется у колонн фасада... Но и без всякого моего желания, только за то, что я писатель и шляпа, выбрали меня и в ротный комитет и потом в комитет семи от всего училища... и т.п.*

Другой пример — из письма Бориса Пастернака отцу, художнику Леониду Осиповичу Пастернаку (Пастернак Б. Письма к родителям и сестрам, 1907—1960. Москва, 2004. С. 159).

- (30) *Милый папа, это письмо пишет ничтожество. Ничтожество пробыло в Перми три дня, потратив при современной дороговизне массу денег (не на покупки, на проживание). Ты не можешь себе представить, папа, до какой степени верно и подходит то определение, которое я себе тут даю. Видишь ли, ничтожеству страшно хочется перед тем, как к вам возвращаться, повидать Надежду Михайловну и с ней из Самары до Нижнего на пароходе поехать, — ему очень этого хочется, и больше того, оно, ничтожес-*

тво, знает, что там, где начинается осуществление его желаний, ничтожество перестает существовать и на его место вступают радостно и свободно реализующиеся задатки, ничтожеством придушенные. Но вместо этого, по всей вероятности, ничтожество предпочтет несамостоятельный, удобный и привычный шаг: поскорее к старшим.

Понятно, что примеры, подобные приведенным, «царапают» глаз, останавливают на себе внимание читателя — на это, собственно, они и рассчитаны. Для писателя это — своего рода художественный прием, основанный на нарушении языкового правила. Для лингвиста — проявление некоторых внутриязыковых закономерностей.

Фактически при этом семантика слова реорганизуется: прагматический компонент переходит в состав лексического значения. В свое время Ю. Д. Апресяном и его сотрудниками был предложен ряд тестов для отграничения элементов лексического значения слова от устойчивых признаков понятия, составляющих коннотацию (Апресян 1992, 49—51). Правда, сам ученый весьма осторожно говорит о возможностях их применения. Одна из причин этого — постоянное движение в области семантики, в результате чего коннотация становится частью лексического значения, а само слово расщепляется на две единицы (омонима). И примеров такого рода немало среди русских инвектив, ср.: *скотина, боров, козёл, быдло, лопух, тряпка, тюфяк*, знаменитое хрущевское «*нидарасы*» и т.п. Вопрос же о том, где начинается и где кончается этот процесс и как его следует отражать лексикографически, в каждом случае требует индивидуального решения.

Г. Заслуживает особого внимания уже упоминавшееся использование местоимения как средство «включения» экспрессивно-оценочной лексики в синтаксическую структуру фразы. Генерализация или индивидуализация с помощью местоимения (ср.: *каждый дурак* или *этот дурак*) приводит к тому, что оценочное существительное становится способно к идентификации и тем самым к референции.

Но любопытно при этом, что оно одновременно переходит из рематической части высказывания в тематическую. Дело в том, что оценочный компонент, содержащийся в семантике такого рода слов, обуславливает их специфику в плане актуального членения высказывания (и связности целого текста): «объективные свойства отображаемого «кусочка действительности» предстают здесь как своего рода «тема» — то, к чему прилагается сообщаемая в значении оценка, принимающая на себя смысловой центр тяжести таких значений» (Серебренников & Уфимцева 1977, 156). Иными словами, оценка в

принципе (как правило) рематична. Присоединение же местоимения нейтрализует оценочный компонент значения (что ярко проявляется и в просодике фразы: в утрате существительным эмфатичности — фразового ударения).

По мнению О. П. Ермаковой, «синтаксическая ограниченность может быть связана с реализацией лексического значения в категориях определенности/неопределенности. Не все синтаксические функции допускают у существительного и ту и другую категории. Наиболее «терпимыми» в этом отношении являются функции подлежащего и дополнения. Видимо, лишь при явно оценочной семантике функционирование слова в этих позициях связано с получением “свидетельства об определенности”» (Ермакова 1976, 107).

Однако если обратиться к материалу тех языков, в которых развита категория определенности/неопределенности, то оказывается, что ее формальное средство — определенный артикль — функционально неравноценен местоимениям, сопровождающим оценочную лексему в непредикатной позиции. Стоит сравнить описанные особенности поведения экспрессивно-оценочной лексики в русском языке с фактами немецкого языка.

Возьмем для примера существительное *das Trampeltier* ‘верблюд’, которое в немецком имеет переносное значение ‘неуклюжий человек’ (подобно слову *слон* в русском). По-немецки можно сказать: *Du Trampeltier! Er ist ein Trampeltier (ein richtiges Trampeltier; ein echtes Trampeltier). Er verhält sich wie ein Trampeltier. Dieses Trampeltier zerschlägte alles in dem Raum. Ein solches Trampeltier kann alles kaputtmachen. Was für ein (Welches) Trampeltier hat das gemacht?* Но невозможно сказать о человеке: **Du das Trampeltier! *Er ist das Trampeltier. *Das Trampeltier zerschlägte alles in dem Raum* и т.п. Получается, что оценочное слово в предикатной позиции допускает (или даже требует) наличия неопределенного артикля (ни в коем случае не определенного), но за пределами предикатной позиции оно нуждается в определительном слове — указательном или ином местоимении; определенный артикль здесь дела не решает.

То же самое мы наблюдаем в болгарском языке, в котором, как известно, есть постпозитивный артикль. Например, слово *говедо* в переносном (пейоративном) значении ‘скотина’ можно употребить в таких контекстах: *Ти си говедо! Ти, говедо такава! Той е истинско говедо! Това говедо пак ме излъга. Няма да се омъжиш за това говедо!* Но нельзя сказать о человеке: **Говедото пак ме излъга или *Няма да се омъжиш за говедото...* Подобное словоупотребление, строго говоря, может встретиться в тексте, но оно будет мотивировано

точно теми же особенными причинами, которые описаны выше применительно к русскому материалу (16)—(30). Ср. примеры из болгарской литературы:

- (31) *«Бърза да завърти ключа, **варваринът** — помисли си Йонко Йонков. — Ще му изскочи душата, ако почака пет секунди да се успокои машината». [...]*
*Беше се подпрял на теслата и гледаше към лешиниците, зад които се бе мярнало шлиферното яке на **варварина** (Г. Мишев).*
- (32) — *Баба ми е **ръждясала** — каза Лилето. — Мама и татко — също. Смятат, че съм извършила някакво престъпление. [...]*
*Добре, но **ръждясалата**, щом чу нашите разсъждения, удари с юмрук по масата и заяви, че хубостникът на Враневи е подмамил детето с цел брак (И. Петров).*
- (33) *Силех се, когато се миех, като ми подадоха престилката и сложиха маската, да се усмихвам на сестрите, но **тях хитрушите** не можех да заблудя (З. Лалова).*

В целом же, как мы пытаемся показать, экспрессивно-оценочное слово за пределами предикатной позиции нуждается не в определительной, а в **идентифицирующей** поддержке: именно местоимение, а не артикль способно нейтрализовать оценочную семантику. Заметим при этом, что не каждое местоимение способно расширить диапазон синтаксического употребления оценочной лексемы. Так, в русском языке это легко делает *этот* или *какой* (*Этому дураку всё нипочем; Какого дурака я принял на работу!*), но с трудом — *тот* или *который* (ср.: *?Тому дураку всё нипочем; ?Которого дурака я принял на работу?*).

Таким образом, специфика поведения данного лексико-семантического класса слов (очерчиваемого, конечно же, нежестко) объясняется их свойствами, их положением в системе координат, определяемых следующими оппозициями:

- номинация — дескрипция (оценка),
- референция (идентификация) — предикация,
- первичность (оригинальность) обозначения — вторичность (цитатность),
- тема — рема.

Причем в этом перечне факторов главенствующая роль принадлежит оценке: именно она требует для себя во фразе предикатной позиции и рематического ударения, в то время как предикация в прагматическом отношении может быть совершенно нейтральной. Оценка как прагматическая «сверхкатегория», связанная с такими речедетельностными составляющими, как ситуация речевого акта, отношение говорящего к адресату, его общий психологический настрой и конкретная речевая интенция, в значительной степени предопределяет структурные особенности будущего высказывания.

Возвращаясь же к синтаксической роли оценочной лексики, следует заметить, что не только функция предиката, но и другие синтаксические позиции способны налагать свои ограничения на употребление тех или иных классов слов (в том числе в переносном значении). Этот тезис, начиная с 70-х годов XX века, находит себе все новых и новых сторонников (см.: Шмелев 1976, 6 и др.; Крысин 1980, 130—142; Золотова 1982, 123—124 и др.)

Возвращаясь к статье В.В. Виноградова, послужившей исходной точкой для наших рассуждений, можно прийти к заключению, что та или иная степень «синтаксической обусловленности» свойственна всем без исключения словам. Следовательно, синтаксически обусловленное значение — это не отдельный **тип** значения, свойственный тем или иным лексемам, а фактически особый **аспект** значения, составная (и обязательная) часть лексической семантики. В частности, в русском языке отчетливыми синтаксическими признаками характеризуются такие группы слов, как имена собственные, названия частей тела, родственных отношений, отвлеченных сущностей, пространственных параметров и т.п.

При этом зависимость между лексической семантикой слова и правилами построения высказывания оказывается двусторонней, взаимной. Ее можно исследовать как в направлении от лексики к синтаксису, так и от синтаксиса к лексике. И объектом подобного исследования могут быть как макрообъединения, типа целых части речи (ср., например, раздел «Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?» в книге (Вежицкая 1999)), так и отдельные, часто довольно узкие, лексико-семантические группы и фразеологизованные синтаксические модели (см.: Норман 2007). В данном случае нас интересовали механизмы, связывающие между собой экспрессивно-оценочную лексику и позицию предиката в высказывании.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю. Д. (1992): Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект). В: Ляпон, М. В. (отв. ред.), *Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке*. Москва, 45–64.
- Бабенко, Л. Г. (2007): Идеографическое описание русской лексики как способ выявления базовых категорий и ключевых концептов. В: Ремнева, М. Л. & Поликарпов, А. А. (сост.), *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка 20–23 марта 2007 г. Труды и материалы*. Москва, 475.
- Вежбицкая, А. (1982): Дескрипция или цитация. В: *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика*. Москва, 237–262.
- Вежбицкая, А. (1999): *Семантические универсалии и описание языков*. Москва.
- Виноградов, В. В. (1977): Основные типы лексического значения слова. В: Виноградов, В. В., *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва, 162–189.
- Выготский, Л. С. (1982): Мышление и речь. В: Выготский, Л. С., *Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии*. Москва, 5–361.
- Ермакова, О. П. (1976): Некоторые замечания о синтаксически обусловленных и других несвободных значениях слов. В: Золотова, Г. А. (отв. ред.), *Синтаксис и стилистика*. Москва, 103–112.
- Золотова, Г. А. (1982): *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва.
- Золотова, Г. А. (1992): К оппозиции изосемичность/неизосемичность в русском синтаксисе. В: *Linguistique et slavistique. Melanges offerts a Paul Garde. Tome I*. Paris, 533–539.
- Крысин, Л. П. (1980): *Жизнь слова*. Москва.
- Кубрякова, Е. С. (отв. ред.) (1991): *Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи*. Москва.
- Норман, Б. Ю. (1996): Словоформа как фокус динамического взаимодействия лексики и синтаксиса. В: *Rusística Española*. Научный журнал по проблемам русского языка и литературы (Мадрид), 6, 3–12.
- Норман, Б. (2007): Участие лексического компонента в синтаксических моделях. В: *Зборник Матице Српске за славистику*. Бр. 71–72. Нови Сад, 209–222.
- Серебрянников, Б. А. & Уфимцева, А. А. (отв. ред.) (1977): *Языковая номинация (Виды номинаций)*. Москва.
- Фролова, О. Е. (2006): Грамматика заглавия. В: *Русская речь*. № 5, 49–57.
- Шмелев, Д. Н. (1976): *Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке*. Москва.
- Hannappel, H. & Melenk, H. (1981): Pragmatik der Wertbegriffe. In: Frier, W. (Hrsg.), *Pragmatik. Theorie und Praxis* (Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik. Bd. 13). Amsterdam, 209–236.

Резиме

Борис Норман

**ЭКСПРЕССИВНО-КВАЛИФИКАТИВНА ЛЕКСИКА
У ВАНПРЕДИКАТСКОЈ ПОЗИЦИЈИ**

У раду се углавном на материјалу рускога језика анализирају особине синтаксичког понашања речи које у своме значењу имају експрессивно-квалитативну компоненту (типа руских *дурак*, *зануда*, *нетух*). Показује се да се за њих јавља као прототипска (изосемична) функција предиката у реченици, а такође неке друге позиције (обраћање, осамосталена одредба). Ако се пак таква реч употреби у некој другој позицији (нпр.: *Дура забыла представиться*), то захтева од читаоца или слушача допунски посао дешифрације. У раду су разлози за оваква одступања од општег правила систематизовани на следећи начин: а) скривена предикација, б) цитирање, в) неутрализација квалитативне компоненте, г) праћење заменичком одредбом-идентификатором. Такође се истражује веза оцене као компоненте лексичког значења с тематско-ремаатским рашчлањивањем реченице и категоријом одређености.